

ТЕЛКСИЕПИЯ

*Прежде всего ты сирен повстречаешь, которые пеньем
Всех обольщают людей, какой бы ни встретился с ними.
Кто, по незнанию приблизившись к ним, их голос услышит,
Тот не вернется домой никогда. Ни супруга, ни дети
Не побегут никогда ему с радостным криком навстречу.
Звонкою песнью своею его очаруют сирены,
Сидя на мягком лугу. Вокруг же огромные тлеют
Груды костей человеческих, обтянутых сморщенной кожей.
Мимо корабль твой гони.*

Гомер "Одиссея" Песнь двенадцатая

В офисе продюсерского центра «Аполлон» с самого утра царили суэта и оживление. В приемной с чашечкой кофе, в окружение всех мужчин ее фирмы, выставив практически до противоположной стены длинные ноги на высоких каблуках, сидела звезда андеграунда - Лина Воровская. И, как Эрато заявил как-то олигарх Бероев: «Не притянутая за уши, а *настоящая «икона стиля»!*»

Эрато, так и не сумевшая добраться до дома после диких событий минувшего вечера и еще более дикой ночной погони, сразу же поняла, что режиссер автобиографического фильма «Нет смерти для меня» и автор нашумевшего бестселлера «Обладать и принадлежать» - явилась к ней в офис с утраца пораньше, еще и успев покурить у нее прямо в приемной. Она нисколько не сомневалась, что все ее мальчики, знавшие, как она не одобряет эту вредную привычку, уговаривали жеманничавшую Лину: «Курите-курите! Не стесняйтесь!» Ну, точно! Еще и притащили из ее кабинета хрустальную пепельницу в виде ракушки, которую она держала для VIP-персон, не следивших за своим здоровьем.

Конечно, отчего бы при первом же появлении ее «неподражаемой, изысканной и своеобразной» соперницы - взять и плюнуть на нее? Хотя, ведь не эта их кормить будет, уж она их накормит.

- Меня раздражает, что сейчас люди всё меньше и меньше делятся на мужчин и женщин, что мужчины не претендуют отличаться от тебя - проникновенно вздыхала Лина, медленно отхлебывая кофе из чашечки, изящно играя носком огромных красных туфель. - Настоящий мужчина, прежде всего, щадит женщину. А сейчас всё больше какая-то беспощадность. Хотя, может быть, это Москва... Потому что в других городах люди совсем другие. Даже больницы другие: там к тебе относятся как к человеку. А в Москве всё по-другому.

Все ее сотрудники, высыпав в приемную, сосредоточились на Лине, и в другое время ее «слаженная команда» получила бы хороший разгон. Да и от самой Лины, посмеившей явиться к ней в жакетике и шляпке, украшенными перьями, полетели бы клочки по закоулочкам. Но сейчас Эрато едва доползла до работы на помятой машине, лишь под утро уйдя от проклятой погони, от черных коней с кривыми зубами, которые пришли на помощь гнавшейся по ее следам Аэлло. А женщина, которую она большую часть жизни знала как доцента кафедры истории, слегка сдвинутую на античной мифологии, - у нее на глазах превратилась в ходячий напалм.

Перед глазами стояли страшные вороньи кони с бешеными незрячими глазами, а в голове крутилась песня «Ой вы кони мои воронье», которую в детстве она часто слышала по радио.

*Начинаются дни золотые
Огневой непродажной любви.
Ой, вы кони мои воронье!
Черны вороны кони мои!*

...Мы ушли от проклятой погони,

*Перестань моя радость рыдать!
Нас не выдали черные кони,
Их теперь вороных не догнать!*

В детстве ее мама, когда начинались какие-то неприятности, нахмурившись, с крайним неодобрением декламировала первую строчку этой песни: «Начинаются дни золотые!» Но вряд ли ей могло прийти в голову, насколько «золотыми» для ее дочери могут оказаться начавшиеся со вчерашнего вечера дни.

Почти на цыпочках, чтобы никто не обратил внимания на ее непрезентабельный внешний вид, Эрато просочилась в свой кабинет, чтобы спрятать часы и успокоить нервы. Первым делом она бросилась к хранившемуся для вип-персон марочному коньяку, но поняла, что услужливые

мальчики и его уже вынесли Лине, чей «неподражаемый и изысканный» голосок доносился из приемной.

- Я в жизни столько пережила! Постоянно встречала людей, которые хотят любви, но не могут никого полюбить. У них даже такое выражение на лице написано, когда они в метро едут. Я в метро ездить не люблю, это все же под землей, мне потом подниматься оттуда не хочется. Когда на людей смотришь под землей, то понимаешь, что любовь - это желание отдавать, а страсть - желание брать. А вы никогда не испытывали такой страсти, чтобы взять и ничего не отдавать взамен? Надо испытывать страсть, любить, страдать... Если ты не любишь никого, ты как бы бессмыслен, наверно.

Эрато повесила шубку в шкаф на плечики, налила в стакан ледяной минералки из холодильника, предусмотрительно бросив туда таблетку шипучего аспирина, чтобы с его помощью побороть дрожь в руках и острое желание разбить пепельницу-ракушку о голову ничего не подозревавшей Лины.

Она подошла к компьютеру и глянула новости в Яндексe. Так и есть!

Сегодня ночью в старом жилом доме в центре Москвы произошел пожар, сообщает «Интерфакс» со ссылкой на пресс-службу ГУ МЧС.

В ходе тушения пожара были обнаружены тела семи. Из здания были эвакуированы более 20 человек. За медицинской помощью обратились семеро, в том числе два полицейских.

Возгорание произошло на третьем этаже трехэтажного полувывселенного здания старой постройки. В 6:57 пожар удалось ликвидировать. Ему был присвоен второй номер сложности по пятибалльной шкале. На месте происшествия работают пожарные. Площадь и причины возгорания уточняются.

По предварительным данным, в загоревшемся здании в цокольном этаже располагалось незаконное общежитие трудовых мигрантов. Следственными органами решается вопрос о возбуждении уголовного дела по факту массовой гибели людей.

Часы она сложила в объемистый кожаный ридикюль, замотав флакончики и топазовую чашу в колготки, которые на всякий пожарный хранились у нее в столе. Пока она маскировала часы под «женский беспорядок», запихивая косметичку и пару шелковых платков, - вдруг с удивлением обнаружила, что песок из ее флакона не только не высыпался окончательно, как она боялась, прыгая с этим стеклянным безобразием по грязным сугробам к машине, но, похоже, даже каким-то образом пересыпался в обратную сторону.

Впрочем, думать ей об устройстве этого хрупкого механизма было совершенно некогда. Она точным движением подправила помаду на губах и с лучезарной улыбкой распахнула двери своего кабинета.

- Боже мой! Кто у нас в гостях! Сама меланхоличная недосказанность! Самое нестандартное явление современной российской культуры! Личность, которая сразу цепляет! Маг от искусств! Прошу-прошу ко мне! А всех попрошу разойтись по своим рабочим местам, - приобняв сутулую костлявую спину огромной сирены, скомандовала Эрато ошарашенным ее неожиданным появлением сотрудникам.

Пока сирена с трудом устраивалась в ее гостевом кресле, куда у нее никак не помещались длинные худые ноги в красных туфлях, Эрато в очередной раз поразились силе ее очарования. Никто вокруг нее будто не замечал слишком большого и непропорционального тела, ее неуклюжих попыток прятать крылья. У гарпий как-то получалось оборачиваться людьми, вписываясь в обстановку более органично.

- Все-таки мы, сирены, ближе к музам, да, - поняв, о чем она думает, с извиняющейся улыбкой сказала Телксиепия. – Хоть и хтонические существа, но такие же смертные, как видишь. А ты выглядишь хорошо! У тебя хорошая кожа, ты опять начала светиться опять изнутри. Всегда меня поражал этот момент в... других. Кого что, а меня поражает качество кожи на лице...

- Как погода? – не зная, с чего начать, бодро поинтересовалась Эрато.

- Ну, да... такая... одновременно все стихии... тяжеловато! – вздохнула сирена. – Но мне вообще тут не нравится, мы же здесь вынужденно оказались. Я ничего здесь не люблю, мужчин не люблю, женщин тоже не люблю, мне здесь совсем не нравятся люди. Не знаю, зачем мы все здесь? Этой стране я бы поставила ноль. Но как-то держусь, улыбаюсь! У меня, чем хуже, тем больше улыбаюсь, защитка такая.

Эрато с растущим раздражением слушала Телксиепию, с некоторых пор на нее не действовали ее обольстительные чары. Глядя на неловкую угловатую сирену, она легким презрением подумала, как глупые поэты старались когда-то напрячь свою фантазию, представляя себе этих созданий. Кем только они их себе не воображали! То крылатыми девами, то женщинами с рыбьими хвостами, а то и совсем уж с птичьим телом и куриными ногами, что, впрочем, было гораздо ближе к истине. Однако никто из них, даже попадая в полную власть этих чаровниц, так и не решился представить себе в качестве сирены - огромную сутулую даму в ярком джерси с худыми длинными ногами в красных лодочках сорок третьего размера.

Возможно, для нее самой обаяние сирены заключалось немного в другом. При виде Телксиепии у нее затеплилась слабая надежда, что та хоть в чем-то может оказаться полезной в дикой отчаянной ситуации, о которой и рассказать-то было никому нельзя, кроме нее. Ведь это она, одержимая темой смерти, постоянно изображала в своих фильмах некое «мифическое существо», сопровождающее человека к гибели, рискуя быть обвиненной в публичных призывах к суициду. А ее провокационные разговоры о любви вовсе не мешали ей откровенно рассуждать о «питательности» этого чувства, о том, какие души они с сестрами больше *любят*. Хотя на все попытки выяснить ее «политическое кредо» сирена твердо и осмотрительно отвечала, что настроена резко против гомофобии, расизма и фашизма.

Один популярный писатель даже как-то остроумно заметил вслух, что она «привила себе сумасшествие» подобно тому, как врач прививает себе вирус для изучения недуга. Многие пытались опустить ее неподвластное человеку обаяние до бытового оскорбления «городская сумасшедшая», на что Телксиепия абсолютно невозмутимо парировала, явно намекая на нее:

«Мне нравятся городские сумасшедшие. Они вдохновляют меня гораздо больше, чем модели из журналов!»

Эрато нисколько не обманывалась на счет своей гостыи. За гладкостью, мягкостью, и певучестью воркования сирены скрывались пугавшие ее жестокость и непреклонность. Очаровательная жеманность, с которой она говорила о смерти и судьбе, объяснялась простой причиной, по которой сирены из муз стали полуптицами.

В мифе о похищении Персефоны, чьими спутницами-музами они когда-то были, говорилось о том, что они ничем не помешали явившемуся из Тартара Аиду, решившему похитить душу той, которую они «любили» с показной истеричностью. Хорошо зная эту «звезду андеграунда», Эрато вполне представляла себе, как Телксиепия и ее сестры, ломая руки, стонали вслед Персефоне, терявшей надежду: «Умирать страшно - это правильно! Жить - гораздо страшнее! Ведь жизнь такая короткая, все мы кандидаты в мёртвые... а смерть – это вечность!»

В мифе говорилось о нимфах и музах, вставших наперерез колеснице Аида, запряженной страшным отродьем Подарги. Все они, в отличие от ближайших подружек Персефоны, баюкавших ее своей мистической болтовней, - погибли. Но они дали надежду ее гибнувшей душе, которая теперь может хотя бы раз в год вернуться к матери, даря весну и лето.

Вряд ли кого-то из тех, кто встал наперерез черным крылатым сыновьям Подарги, Персефона приблизила бы к себе в своем прежнем беспечном существовании. По крайней мере, она бы точно не оценила их так же, как Телксиепию с сестрами, которые создавали вокруг нее снобистский кружок ревнительниц «чистой красоты».

Эрато и сейчас воротило от постоянных разглагольствований сирены, перебиравшей винтажные штучки в популярных телепрограммах: «Красота всегда индивидуальна, в ней нет канонов, в ней допустимо безумие, непохожесть ни на кого. Красота всегда Божественна, там Бог. Твоя красота- это твой внутренний мир, и как ты над ним работаешь, как ты себя хранишь, какую ты имеешь внутри себя культуру, так ты и выглядишь. Красивые люди никогда не бывают

надменны, они всегда приветливы и теплы, им не жалко улыбнуться, сказать доброе слово, сделать всегдашнее усилие говорить доброжелательным тоном... Красота, достигнув своего пика, всегда стремится к саморазрушению. Пики красоты длятся у кого-то минуту в жизни, у кого-то год, а кто-то всю жизнь на пике красоты...Та самая красота, которой не хочется находить объяснение, она и так очевидна - это именно тот самый пик...»

Даже поддаваясь их магическому дару обольщения, так же стремясь к красоте, как к пику саморазрушения, она отдавала себе отчет в том, что сирены никогда никого не обманывали. Это была не ложь, а неправильное... эстетическое восприятие, причем, на какой-то сердечной нотке зашкаливающей искренности, которой вдобавок они придавали непостижимую силу своего обаяния.

Что дала ей погоня за вечной молодостью и красотой? Всего лишь первую встречу с Телксиепией сразу же после скандала с дорожно-транспортным происшествием на Лазурном берегу в обществе олигарха Бероева. Прямо в клинику, где она в отчаянии пыталась залечить рваную рану на щеке, ожоги на плечах и руках, израненные ноги, - ей пришло уведомление с развлекательного канала, где она вела свое любимое шоу «Подробности».

Руководство канала сообщало, что не может ждать с выходами в эфир ее передачи до затянувшегося выздоровления, в особенности, принимая во внимание саму причину ее заболевания. Приняв решение отстранить ее от ее же собственной программы, руководство решило выставить ей на замену неподражаемую Лину Воровскую. В письмо бесстрастно сообщалось, что вместе с ведущей поменяется и концепция шоу, и даже студия, в которой она до сих пор снималась. Таким образом, руководство канала надеялось изменить программу к лучшему и поднять рейтинги передачи, резко снизившиеся на фоне просочившихся в печать слухах о ее приключениях на Лазурном берегу. Можно сказать, сама ее изначальная идея в новых декорациях получит свежее дыхание, поэтому она не должна волноваться за судьбу передачи, авторские права на которую целиком принадлежат каналу, а должна спокойно заняться восстановлением своего здоровья.

В предыдущем сезоне руководство канала уже предпринимало нововведения относительно «Подробностей», уже на несколько вечеров приглашая в качестве ведущей Лину и одного известного театрального режиссера. Как раз в тот период у самой Эрато начались проблемы с мужем. Поначалу ей показалось, будто Лина даже проявила сочувствие к ее ситуации, время от времени заменяя ее в шоу. И когда из ее жизни навсегда уходила любовь, она попыталась даже утешить ее своей очередной фирменной сентенцией: «Любовь человека питает, делает более качественным. Бывает разрушительная любовь, но тогда это не любовь. Значит, кто-то из двоих не любит. Женщина должна будоражить мужчину, создавать ему интересное времяпрепровождение, украшать жизнь. Но ей нужно обязательно делать свою жизнь, отдельную от семейной, заниматься собственной карьерой. У нее должно быть что-то свое, иначе мужчине с ней скучно.»

Тогда ей показалась необычайно мудрой такая позиция. Зная, что олигарх Бероев имеет значительный пакет акций этого телеканала, она, вполне насытившись «питательностью» обманувшей ее любви, начала за ним настоящую расчетливую охоту, всеми силами стараясь отбить его у молоденькой любовницы-балерины, которая всегда чем-то напоминала ей Лину Воровскую, не являясь, впрочем, сиреной.

Ей хотелось занимать в жизни более прочные позиции, а уж если совсем честно, то ей страстно хотелось возглавить этот канал, получив куда более значительное и прочное положение в обществе.

Отбить женатого мужчину у такой любовницы означало... медленно и исподволь испортить их отношения. Раньше бы она такого себе не позволила. Но когда ее бывший муж, разрушил их семейный очаг, как «священную Троицу», а потом сообщил, что собирается отправиться с

друзьями на Ямайку «духом страдать на морях, о спасении заботясь жизни своей»... ее уже не удерживали никакие «моральные критерии». Ее не остановило, что бросив свою балерину, Бероев напоследок устроил ей настоящую травлю, из-за которой та была вынуждена судиться с администрацией театра, доказывая под безжалостное веселье желтой прессы, что она – вовсе не «толстая».

Тогда Эрато еще чувствовала последнюю сокрушительную силу золотого песка из топазовых часиков, спрятанных сейчас за ее платками и колготками в ридикюле, поэтому постаралась «не заметить», с какой жестокостью Бероев обставил свое расставание с балериной, нежно и трепетно изображавшей на главной сцене страны Царевну Лебедь. Он привык, чтобы все его желания немедленно исполнялись. А сейчас, руководствуясь лишь одним принципом: «Так не достанься же ты никому!», он желал, чтобы бывшая возлюбленная ни одной минуты не была счастлива без него. Как член Попечительского совета театра, он потребовал, чтобы дирекция заявила в печати, будто их «лебедь» настолько «обожралась», что ее теперь не под силу поднять и самому крупному премьеру.

Эрато решила, что на нее подобное его отношение распространиться не может, ведь она не какая-то балерина, а та, кто создает атмосферу любовной лирики. Но ей пришлось приложить немало усилий, чтобы «не замечать», как и в самой «лирической» обстановке Бероев, обнимая ее за голые плечи, бестактно восхищался Линой, строя планы сделать ее «настоящим брендом» канала, который она наивно уже считала своим.

Конечно, ее программа обрела «новое дыхание», поскольку вместо скромной студии, где она принимала знаменитостей, для Лины выстроили целую модель вечернего города с освещенными окнами. Лина и ее гости рассаживались на каких-то скамейках, как на жердочках, создавая впечатление огромных уродливых птиц, чирикавших на своем насесте, воспарив над жизнью, между небом и землей. В полном соответствии с новой концепцией Лина, обворожительно улыбаясь, нежно произносила в камеру: «Здесь нет земли, здесь небо с двух сторон: с нижнего льется дождь, а верхнее – для птиц. Прыгайте! Каждый хоть раз в жизни должен решиться спрыгнуть. О небо еще никто не разбивался... В падении тоже есть свой позитив. Не надо бояться этого. Даже в депрессию я люблю упасть на какое-то время, она бывает для меня питательной. А находиться все время в какой-то стабильности, в довольстве... это, мне кажется, может какой-то кусок мяса, а не человек. Человек должен страдать!»

Искать позитив в падении было не в ее правилах. Но единственным позитивом были достаточно спорные отклики о «новом дыхании» программы «Подробности», которые она, в ожидании очередной пластической операции, читала в сети Интернет.

«- Когда на этом канале уже решать добавить кого-нибудь новенького? Прежняя ведущая - давно пройденный этап, тем более, после той грязной истории на Лазурном побережье народ ее тем не воспринимает...»

- Это уже не будет не ужас, а ужас-ужас-ужас! Неугомонная трещотка не давала прежде вставить слово гламурной жеманнице. Пока жеманница с фирменными придыханиями произносила одно предложение - трещотка выдавала все двадцать. Но как же они обе надоели! Когда же будут говорить гости, причем, интересные не только им?»

- Один ноль - это просто ноль. Два ноля - это уже сортир... Сплошное пустомелье да ещё с таким тембром голоса у прежней и легкой гнусавостью у теперешней.

- Это – Кошмар! Сколько я ни пыталась "понять" Лину (наверное, это не для средних умов), но каждый раз выбрасывала ее кассеты в мусорное ведро...»

По крайней мере, Бероев не объявил ее «толстой», он даже не сказал вездесущим журналистам, что попал в аварию не один, хотя долго лежал в больнице с сильными ожогами, занимавшими

три четверти тела. Он просто заблокировал для нее свой номер. Зато по всем приглашениям, которые она посылала ему как крупному медиа-магнату, стала «выходить в свет» его бестактная жена с таким видом, будто имеет полное право вытирать о нее ноги.

И после всей этой истории ей пришлось, сжав зубы, прокомментировать все эти чудесные изменения в сетке вещания: «Я рада, что Лина стала новой и единственной ведущей этой программы. Я когда-то посоветовала руководству нашего канала присмотреться к ней, и они пригласили ее на роль ведущей «Подробностей». Посмотрим, что будет в новом сезоне...»

И то, что она увидела потом, прочитав отклики в Интернете, немного заставила ее задуматься о тех вещах, которые она с легкостью отбрасывала от себя как можно дальше. Получив широкую возможность петь свои погребальные песни над декорациями вечернего города, Лина быстро теряла популярность. Когда-то рейтинговая передача с трудом набирала на три рекламных перерыва, хотя при ее «трескотне» у нее их было не меньше пяти. Зритель стремительно терял интерес к Лине, как только на телеэкране ее стало «слишком много».

Лина, как могла, пыталась «дотянуть зрителей до своего уровня», говорила о стиле, прекрасных вещах, утонченных впечатлениях. Но вместо того, чтобы ощутить окончательную самодостаточность создаваемого ею «избранного круга», люди молча его покидали, машинально нажимая другую кнопку на пультах телевизоров.

До нее доходили слухи, как тяжело Лина переживает падение созданной ею популярности и даже обвиняет ее в том, будто она уступила ей место ведущей, понимая, что передача «пережила свое время». Она тогда еще подумала, что всегда недооценивала людей, будто интуитивно прочитавших предысторию Лины. Эрато чувствовала, как все вокруг нее потянулись душой в поисках чего-то более надежного и... *настоящего*, навсегда утрачивая интерес к фанерному городу у длинных ног Лины.

Она посмотрела на без умолку щебетавшую сирену и вновь подумала, что страстно хотела бы, чтобы вместо нее сейчас у нее в кабинете оказалась бы *настоящая* муза, а не эта ошипанная курица. Хотя... сам кружок *настоящих* муз был бы негативно воспринят ее теперешним окружением, был бы признан абсолютно нестильным и негламурным, возможно, ей пришлось бы навсегда покинуть этот круг сильных мира сего, «публичных личностей», «звезд» и законодателей моды. Но, заглянув в пустые глазницы всю ночь гнавшихся за ней вороных

коней, она очень хотела бы, чтобы при их очередном появлении с ней рядом бы оказалась другая муза, способная встать на их пути, раскинув руки с криком: «Ты не пройдешь!»

*А похититель меж тем, по имени их называя,
Гонит храпящих коней, торопясь, по шеям, по гривам
Сыплет удары возжсей, покрытых ржавчиной темной,
Мимо священных озер и Паликовых, пахнувших серой,
Вод, что бурлят, прорываясь из недр; через местность несется,
Где бакхиады - народ из Коринфа двуморского - древле
Стены воздвигли меж двух корабельных стоянок неравных!
Меж Кианеей лежит и пизейским ключом Аретузой,
Там, где отроги сошлись, пространство зажатое моря.
Там-то жила - от нее происходит и местности имя -
Нимфа, в Сицилии всех знаменитее нимф, Кианея.
Вот, до полживота над поверхностью водной поднявшись,
Деву узнала она. "Не проедете дальше! - сказала, -
Зятем Цереры тебе не бывать против воли богини;
Просьбой, не силою взять ты должен был деву. Коль можно
С малым большое равнять, - полюбил и меня мой Анапис,*

*Все ж он меня испросил, я в брак не со страха вступила".
 Молвила нимфа и их, в обе стороны руки раздвинув,
 Не пропустила. Сдержать тут гнева не мог уж Сатурний.
 Страшных своих разогнал он коней и в бездну пучины
 Царский скиптр, на лету закрутившийся, мощной рукою
 Кинул, - и, поражена, земля путь в Тартар открыла
 И колесницу богов приняла в середине провала.
 А Кианея, скорбя, что похищена дева, что этим
 Попрано право ее, с тех пор безутешную рану
 Носит в безмолвной душе и вся истекает слезами.
 [Овидий «Метаморфозы», Песнь пятая]*

Сейчас она понимала, что многие люди «не ее круга» слышали их храп, их топот, а может и видели их обметанные пеной морды. Поэтому вовсе не «их круг» жестко очерчивал холодной недоступностью свои для многих когда-то желанные границы, а люди отходили от этих границ, самостоятельно, без нее, на ком лежала эта обязанность, разыскивая пути к тем, кто мог встать на пути черных крылатых коней, когда посланец Аида вновь явится за их душами.

Да, похоже все эти бывшие ее зрители, снижавшие рейтинги ее самой любимой когда-то передачи, вовсе не хотели, чтобы в тот момент, когда встанет вопрос об их душах, рядом с ними жеманничала обольстительная сирена, рассказывавшая, какие души она больше всего любит... провожать в вечный холод небытия. Пусть большинство не верило в силу муз, но отдавало должное их готовности отстоять каждую душу ценой своей собственной.

Сложно было бы представить, будто кто-то из настоящих муз мог с циничной жестокостью рассуждать вслух, как сейчас это делала крутившая коньячную рюмку в руке Лина: «Люблю рыться в развалах комиссионных магазинчиков. Хоть и говорят, что туда сдают вещи от покойников, но мне становится хорошо от одной мысли, что прежним владельцам этих вещей хорошо и спокойно, что они не переживают, как продешевили, расставшись с ними. Меня радует, что эти вещи больше им не нужны... Я их называю «последствиями». А последствия любой жизни становятся куда важнее её проживания, как улики и вещественные доказательства намного важнее самого «преступления». Всех, кто умирает, оставив одни «последствия», я называю убежавшими...»

Если настоящие музы могли пожертвовать собой, чтобы отстоять чью-то жизнь, то их гламурные родственницы сирены, умеющие в самой ужасной смерти найти для себя почти эстетическое наслаждение, вполне довольствовались «вещественными доказательствами» чьей-то погубленной жизни.

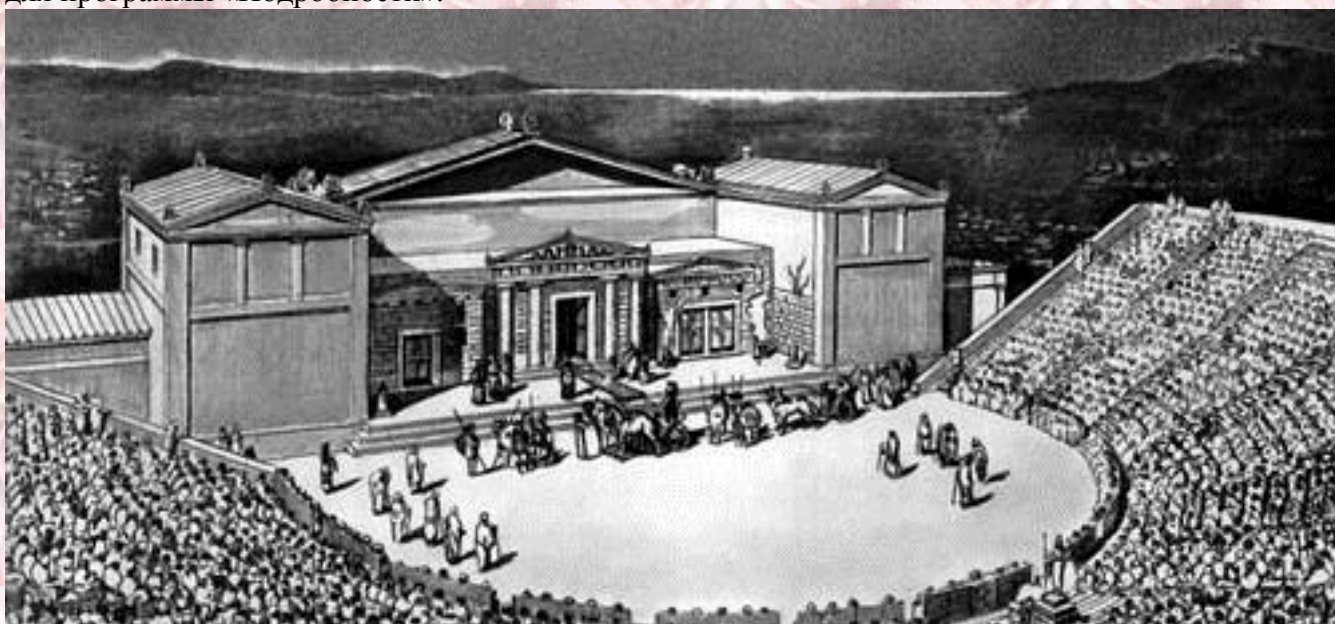
Пожалуй, она хорошо понимала теперь мать Персефоны Деметру, сделавшей спутниц ее дочери, которые ничем ей не помогли, - полуптицами, вроде гарпий, чтобы во всех человеческих обличьях они продолжали помнить о Персефоне, искать и не находить пути к ней, испытывая болезненную тягу к ее путешествию на черных конях.

Вряд ли тонкое знание винтажных вещичек и умение придать всему налет «мистической загадочности», маскируя любую душевную грязь флером «непостижимости», равняя ее с самыми прекрасными сторонами жизни, - могло помочь в ее отчаянной ситуации. Но теперь, прижимая к ноге заветный ридикюль, она понимала, что не вправе рассчитывать на большее.

Впервые Телксиепия явилась к ней, как только она помогла сделать крик Каллиопы почти неслышным, дожидаясь ее смерти с неистовой жадностью сирен. И когда к ней явился Холодец с душой того, кто вполне реально пытался заставить Каллиопу навсегда замолчать, она, решив помочь младшим музам, поняла то, о чем не смогла признаться даже Сфейно. Она сразу же поняла, что «толстая» балерина, у которой она отбила олигарха Бероева, уничтожавшего ее с поразительной жестокостью, отнюдь неслучайно так до тошноты напоминала ей Лину.

Она посмотрела в упор на сразу же умолкнувшую сирену и спросила без обиняков: «Слушай, а эта наша балерина Владимирская, которую на всех светских приемах теперь с безменом взвешивают, она не твоя сестра Терпсихора?»

- Я думала, что ты знаешь... Какое-то время сомневалась, ведь ты ей ничем не помогла. Теперь мне даже странно... неужели ты не знала? –
- Что я не знала? – теряя терпение, спросила Эрато, уже понимая, чем может ее «обрадовать» сирена.
- Мне казалось, что ты отлично знала все с самого начала! Это же всем было очевидно... А как ты думаешь, почему мне удалось захватить твою программу? Только поэтому! - рассеяла последние ее сомнения сирена. – Балерина Владимирская – живое и весьма смертное воплощение шестой музы Терпсихоры, «усладительно танцующей». Кстати, зря ты это сделала! Мне всегда нравилось, когда они танцевали в паре с этим вашим... *музом*. Или как вы называете, мужское воплощение музыки?..
- С кем? – почти со страхом спросила ее Эрато, непроизвольно прижимая к груди ридикюль.
- Модель устаревшая, зима-осень прошлого года, а нынче уже зима этого года заканчивается, нынче в тренде ридикюли Дани Мизрахи, за ними все в Израиль ездят... или в Париж, но там дорожке, - неодобрительно прокомментировала ее жест сирена.
- Кто у нас... м-муз? – осипшим голосом спросила Эрато, уже зная ее ответ, потому что голубые как глаза сирены стали почти нежными, наполнившись глубоким, почти благоговейным пониманием ее смертельного ужаса.
- Ну... Терпсихора действительно больше разбирается в ваших младших сестрах, я никогда раньше классическим искусством не интересовалась, нужды не было. Да и собственное творчество к этому не располагало. Я думала даже, что время классического искусства навсегда ушло в наших новых временах безудержного стяжательства. Впрочем, сама жизнь показывает абсурдность слова «никогда», - запела сирена, не замечая нехорошего огонька, которым вспыхнули глаза Эрато. – Терпсихора сказала, что в театре полно муз! И этот темненький молодой человек... такой тусовщик... ты его должна знать вообще-то... он у вас и есть сама Мельпомена, то есть «пляшущая». Но ведь это тоже все знают! Ты у него даже интервью брала для программы «Подробности».

Это еще надо было как-то пережить. Она думала, что у нее есть шанс обыграть Холодца, оказав поддержку младшим музам. Оказывается, Холодец намного лучше ее знал, что она уже расправилась с Терпсихорой в ходе неудачной попытки возглавить канал, лицом которого являлась с момента его основания. А потом она взяла интервью у всемирно известного премьера, о котором все догадывались, что он и есть «пляшущая» Мельпомена, а ей это почему-то ни разу даже не пришло в голову. И, по сути, она его подставила этим интервью, заставив сказать, что он действительно думает о реконструкции исторического здания театра, где пилились бюджетные средства так, что даже известный японский проектировщик самых престижных театральных площадок мира заявил, что на эти деньги он бы построил три таких театра, сохранив все исторические детали.

Глаза сирены повлажнели от удовольствия, она будто впитывала страх смерти, который пронизал истерзанную душу Эрато. Ведь она же ничего подобного не хотела! Она хотела лишь...

- А так все говорят! – с воодушевлением подхватила вслух ее мысль Телксиепия. – А все так говорят, потому что боятся трудностей. Сильных трудности делают еще сильнее, и, как ни странно, бодрее, а слабые становятся злыми, и это их разрушает. Мне кажется, ты злишься, причем, злишься не на себя, а на меня. А я вообще в твоих трудностях ни при чем! Меня и сейчас Холодец попросил к тебе прийти, я ему отказать не могу. Да ведь и мне надо как-то свой новый фильм в прокате продвигать. Это мое детище, я обязана ему помочь. Знаешь, сколько трудностей я пережила, чтобы этот фильм родился? Мне-то никто государственной копеечкой не помог. Но я себе два года твердила, что обожаю падения - в них больше силы, чем во взлетах. Меня вообще бодрят трудности. Я заметила по всей своей жизни, что кризисы для меня – самое любимое время. Я же вижу, что ты тоже переживаешь внутренний кризис. У тебя это переоценка, а у меня, скорее, отчаяние. И я люблю погрузиться в него. Оно так питательно. Наверное, странно, но я стараюсь полностью отдаваться этому чувству. Не все ж себя хранить, есть да наслаждаться. Отчаяние стимулирует к чему-то новому, дает мысли, эмоции, заставляет двигаться дальше...

Эрато почти не слушала ее тягучую болтовню, стараясь понять, что же ей можно предпринять в такой ситуации.

- Значит, вы с сестрами давно наблюдаете за моими трудностями? – машинально поинтересовалась она у сирены.

- Ты любишь их себе создавать, думая, что уходишь от них, создавая другим, - засмеялась Телксиепия, почесав лопатки со сложенными крыльями. Это Пейсиноя и Аглаофа за тобой следили, не я. Все лишние контакты... Они меня обезвоживают.

- Но пришла-то ко мне именно ты! – едва сдерживаясь, повысила голос Эрато.

- Почему у меня всё всегда из последних сил? Чтобы нравиться, надо быть лёгкой, лёгкой, - невпопад ответила ей перепуганная сирена. – Ты могла бы не кричать? Я вполне довольна занимаемой мною нишей андеграунда и никогда не претендовала на большее. Страна здесь большая, находятся любители... всех видов самовыражения, тем более, из людей нашего круга. Не стану прикидываться, в наступившие времена моя мертвечинка идет нарасхват. Тут появляется Холодец и каждый раз заставляет меня идти к тебе... А ты при этом все больше напоминаешь мне самого Холодца... Взять сегодняшнее утро! Я встала, села за телефон, стала делать звонки по вдохновению, повсюду – одни отказы. Вдруг мне звонит Холодец и сообщает, что я немедленно должна пойти к тебе! После всего, что уже между нами было, сколько черных кошек пробегало!

- Я просто пытаюсь разобраться, пытаюсь понять правду! – схватила за голову Эрато. – Я всю ночь спасалась от него... Вначале он появился у меня в машине... с душой одного генерала. Потом я поехала к Сфейно... поговорить... а он послал туда гарпий!

- Значит, ты и Сфейно предала, - почти сочувственно констатировала сирена. - Я все равно не скажу всей правды, потому что сама ее не знаю. Но сама наша жизнь... прикладного характера... говорит о том, что предавать никого нельзя, это очень вредно для души. Но ведь бывает иногда так страшно! А вот ты страх уже потом ощутила, когда уже всех предала. Можно лишь удивляться такому парадоксу.

- Парадокс в том, что я хотела как можно дольше оставаться Эрато, - честно ответила сирене муза любовных песен, массируя мешки под глазами.

- Заканчивался золотой песок? – догадливо откликнулась Телксиепия. А я к тебе пошла, потому что всегда тебе завидовала. Тебе не надо прятать эти крылья, у тебя фигура всегда была пропорциональной... Когда превращаешься в сирену, все кости выворачивает! А потом постоянно из-за крыльев спина чешется. И, думаешь, я сама не знаю, что как только меня будет много, все эти люди от меня отвернутся? Стараешься, работаешь, а на выходе... А все вокруг говорят, что пора сменить тему. Но я ни о чем больше петь не могу! Ведь смерть – это самое непостижимое, с чем сталкивается каждый!

- Побереги эти песни для интервью! – почти заорала на нее Эрато. – Я всю ночь пыталась уйти от этой непостижимости и даже раза два чуть с ней не столкнулась! Послушай, я постараюсь сделать все для продвижения твоего очередного «Танго со смертью»...

- «Последней сказки Марины», - вежливо поправила ее сирена.

- Сколько угодно! – оборвала ее Эрато. – Я это делаю даже не для тебя, а потому что мне нельзя ни в чем отказывать Холодцу. Но я обещаю работать... душой, сделать из твоего творения нечто... питательное. Но и ты помоги мне! Ты же больше разбираешься, как попадают к нему в лапы!

- Что посоветовать тебе в такой ситуации? Холодца можно победить лишь его же оружием, так это ты и без меня знаешь, - задумчиво промурлыкала сирена. – Ты хочешь как-то реабилитировать себя перед младшими музами? Мой тебе совет: постарайся спровоцировать против них открытую войну! Сделай так, чтобы им объявили войну, чтобы такое вялое неопределенное противостояние против них прекратилось.

- Ты ч-чего? – не поняла ее Эрато. – Я и так им сделала много гадостей...

- Ты должна верить в своих сестер! Лично я верю в парнасских сестер! И очень хорошо знаю, что пока музе не объявили войну открыто, ее сущность не начинает работать. Ты тоже об этом не знала? Тебе надо было больше общаться с горгонами, - назидательно заметила Телксиепия. - До открытого объявления войны муза всего лишь простой талантливый человек, может быть, такой непризнанный гений. Хотя я не верю в несостоявшихся гениев. Если человек талантлив, то он обязательно добьется успеха... и без меня.

Чтобы сирену опять не занесло, Эрато нетерпеливо постучала безупречными гелевыми ноготками по столу.

- Ах, я опять увлеклась, - извинилась Телксиепия. – Больше всего он боится Каллиопу, к которой тебе и сунуться никак нельзя, она именно твое появление расценит военными действиями, и что-то мне подсказывает, что она давно... на тропе войны. Никогда не понимала эту вашу Каллиопу... Она всегда выбирала такие неудачные воплощения. Ты ведь почему с ней ошиблась? Ты считала, что ею может стать лауреат отечественных литературных конкурсов? Но это не связано с профессиональной средой. Иосиф Бродский став лауреатом Нобелевской премии, с большим трудом закончив среднюю школу, но он так музой и не стал! Он вообще здесь жить не смог. Ты этого тоже не знала? Но, полагаю, ты хорошо знаешь, кто сейчас у вас – Каллиопа, да? Я ее сама боюсь, не меньше тебя. Особенно не понимаю ее желания... *святости*. Играть святую очень тяжело. Быть такой положительной — какая-то неправда в этом существует... Хорошо-хорошо! Только дай мне водички, в горле пересохло.

Эрато встала, налила ледяной минералки из холодильника, молча подав его сирене. Та жадно схватила высокий бокал своими тонкими пальчиками, зажмурившись от удовольствия.

- Ты помнишь, как Холодец уничтожил всех, кто мог хоть каким-то самым невероятным образом стать Каллиопой? Ладно, что спрашивать с музыки, которая может соотноситься только ниже пояса? – недовольно проворчала сирена. – Перед большим грабежом, к которому он всегда прорывался, вдруг появилось письмо деятелей культуры. Вот, шла утром, специально распечатала для тебя из Википедии.

Она достала из сумочки небрежно сложенную бумажку с заголовком «Письмо сорока двух». Речь в распечатке шла о каком-то письме, которое подписали самые известные на тот момент писатели. Понятно, что она меньше всего думала об этом письме, ведь в то время ей было всего восемнадцать, золотой песок Эрато искрился на ее коже, а жизнь казалась скатертью-самобранкой.

Авторы письма призывали президента страны запретить «все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений», ужесточить законодательство, ввести и широко использовать жёсткие санкции «за пропаганду фашизма, шовинизма, расовой ненависти», закрыть ряд газет, журналов и телепрограмм, приостановить деятельность Советов, а также признать нелегитимными не только Съезд народных депутатов и Верховный Совет Российской Федерации, но и все образованные ими органы (в том числе и Конституционный суд). Писатели потребовали вдобавок запретить и «разогнать» все незаконные военизированные

и вооружённые формирования, действующие на территории страны, чем развязывали руки президенту в организации военных действий на Кавказе.

«Нет ни желания, ни необходимости подробно комментировать то, что случилось в Москве 3 октября. Произошло то, что не могло не произойти из-за наших с вами беспечности и глупости, — фашисты взяли за оружие, пытаясь захватить власть. Слава Богу, армия и правоохранные органы оказались с народом, не раскололись, не позволили перерасти кровавой аванюре в гибельную гражданскую войну, ну а если бы вдруг?... Нам некого было бы винить, кроме самих себя. Мы «жалостливо» умоляли после августовского путча не «мстить», не «наказывать», не «запрещать», не «закрывать», не «заниматься поисками ведьм». Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми. Добрыми... К кому? К убийцам? Терпимыми... К чему? К фашизму?

...История ещё раз предоставила нам шанс сделать широкий шаг к демократии и цивилизованности. Не упустим же такой шанс ещё раз, как это было уже не однажды!»

Письмо было написано в какой-то склочной риторике с огульными ярлыками, но явно преследовало вполне прозрачные практические цели политического переворота. Это было письмо из числа тех, что пишут себе сами адресаты, а после просят других людей бросить их в почтовый ящик из соседнего города. В каждой строчке чувствовался почерк Холодца, его вековая искушенность и абсолютная беспринципность.

- А после этого нам Аглаофа сказала, что эти люди предали Каллиопа, как мы... Персефону, - с запинкой пояснила ей сирена, усмехнувшись уголками губ. – Конечно, они сами не поняли, что произошло. Самая читающая страна мира, мечтавшая иметь их книги, вдруг резко перестала читать. С ними произошло то же самое, что с... нашей общей передачей «Подробности». А ведь среди них были писатели-фронтовики! Раньше все фильмы по их книгам смотрели с восторгом, а потом я видела новые фильмы по их книгам к Дню Победы, там актеры не могли произнести текст. Не понимаю я этих «коллективных писем»... Зачем им понадобилось «быть в струе»? Мне кажется, это, скорее, неправильно. Надо быть отдельно. Красивым водопадом. Или рекой. Или даже морем. Или небом. Но где им стать небом? Значит, надо использовать их мелочную склонность быть в общей струе. Как устраивать подобные «массовые мероприятия», не мне тебя учить. Тебе повезет! Я считаю, везет каждому, только не каждый умеет этим пользоваться. Эрато смотрела на этот листочек, с трудом понимая, во что влезла, захотев добавить себе несколько золотых песчинок.

Только теперь до нее стало доходить, что она взяла на себя, не выполнив простого условия горгоны. Она знала, что есть такие «круги» в недрах силовых ведомств и спецслужб, которые несколько не заблуждаются на счет уровня литературного дарования Каллиопа, они постараются и ценой собственных душ заставить ее замолчать. И если вновь не заставить Каллиопа заговорить, то, прежде всего, ее светящийся отпечаток украсит седло одного из сыновей Подарги.

- Аглаофа еще сказала, что, наверно, теперь Каллиопа нашла женское воплощение, что очень нехарактерно для эпоса на русском, - как сквозь туман услышала она голос Телксиепии. - Но когда она увидела, кого Холодец тащит в писатели, каких баб, как каждую их повестушку называет «роман», она сказала, что он делает это нарочно. Ну, чтобы все потом отшатнулись от

женского воплощения музыки эпического жанра. Несложно было догадаться, что мы все здесь оказались из-за нее, во всех языках сейчас эпос исчез, сравнялся с беллетристикой, с жанровой прозой, да и задач там таких нет.

Гермес всегда думал о двойной выгоде каждого своего хода, это теперь Эрато понимала вполне. Во и тут он убивал двух зайцев, нагло выставив в качестве «писателей» обычных амбициозных графоманок, перед этим подорвав веру в писателей вообще «письмом 42-х». Любой, кто из вежливости верил, будто эти дамы, надувавшие губки в своем объединении «Литература – имя женское», после любого их опуса терял веру и в литературу, и в женщин. Теперь женщин России в глазах всего общества представляли эти бессовестные протеже Холодца, ведь до него от подобного «женского нашествия» литературу защищало даже не присутствие вкуса, не умения сравнить свои вещи с вершинами литературного творчества на русском, а хотя бы чисто женская стыдливость.

Эрато подумала, что Холодец постоянно опережает ее на один-два хода, прежде всего, потому что не боится делать рискованные ставки. А еще она поняла после нападения на Сфейно, что пока проигрывает ему вчистую.

- Я тоже все поняла, когда мне Холодец приказал к тебе тащиться, - продолжила ее невеселые мысли сирена, чему Эрато давно перестала удивляться. - Распечатку тебе сразу сделала, тебе же придется самой теперь сочинять письмо деятелей культуры. Ты поступи, как Холодец сделал с этими! У тебя еще остался золотой песок, я же вижу! Ты сможешь, сможешь, заставить их! Только мне мифы не рассказывай! Это мужчины мало что про женщин знают: и Лев Толстой, и даже великий ловелас Чехов так ничего про нас и не поняли. А я давно все про тебя поняла.

Нельзя тебе ни с чем идти к младшим музам, тебе надо организовать письмо деятелей культуры в поддержку Мельпомены, которой у вас нынче избран тот премьер. Пусть деятели культуры попросят... чего они могут попросить, чтоб уж точно война началась?

После ее слов Эрато вспомнила строчки из романа Каллиопы: «Не зови войну, не надо! Она сама к тебе придет!» вот и ее война сидела, сложив нога на ногу в красных лодочках у ее стола. И что же можно было потребовать в таком письме?... Сорок человек она для него не соберет, она же не Холодец. Вот дюжину подписей она устроить сможет... Но что же просить для воплощения Мельпомены? Должность худрука балета?

- Нет, руководителем балета ему проситься – это мелко и склочно. Ты ведь муза, а не гарпия! – рассудительно прогнусавила сирена. - Надо сразу просить, чтобы его назначили директором главного театра страны! Чтобы два раза подписи не собирать. За меньшее и драться не стоит. Все-таки война должна всегда иметь какой-то приличный масштаб, какие-то высокие цели... Зачем сразу носом в землю? Война – это тоже жизнь, а жизнь порой меня очаровывает... и сразу же всякий раз разочаровывает, конечно...

На жизненных разочарованиях Телксиепии Эрато опять погрузилась в свои тяжкие размышления о незавидном положении, в котором она оказалась. И все, главное, зернышко к зернышку! Ведь все делала расчетливо, умно, дальновидно! А в результате своими же руками... И как теперь ей обыграть Холодца, когда на кону ее собственная душа, если с такой очевидностью выясняется, что как раз играть она совершенно не умеет?..

Она очнулась от цоканья каблуков гостыи, направившейся к двери. Потоптавшись в дверном проеме на своих красных туфлях, сирена обернулась к ней с грустной улыбкой, таявшей на губах, и добила ее окончательно доверительным шепотом: «Ты меня, конечно, прости великодушно, но если Холодец спросит, я ему сразу скажу, что часы Сфейно теперь у тебя. Я слышу, когда золотой песок сыпется. Поэтому поторопись по возможности...»